

HAL
open science

Предглагольные наречия в бамана

Valentin Vydrin

► **To cite this version:**

Valentin Vydrin. Предглагольные наречия в бамана. Выдрин В.Ф., Желтов А.Ю. Между Нигером и Конго: Заметки на полях. К 60-летию Константина Позднякова, Нестор-История, pp.79-93, 2012, 978-5-90598-631-4. <halshs-00866708>

HAL Id: halshs-00866708

<https://shs.hal.science/halshs-00866708>

Submitted on 27 Sep 2013

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Предглагольные наречия в бамана¹

Было бы преувеличением говорить, что адвербиальная проблематика относится к числу центральных в кругу научных интересов Константина Игоревича Позднякова. Поверхностный наблюдатель может даже сделать вывод, что она вообще лежит вне этого круга – и действительно, в списке публикаций юбиляра работ о наречиях не обнаруживается. Однако тот, кто знает, с каким неподдельным интересом относится К. И. Поздняков ко всем животрепещущим проблемам нигеро-конголезской лингвистики, прекрасно понимает, что появлению его многочисленных статей о наречиях в самых разных языках макросемьи помешало отнюдь не отсутствие интереса, а то, что этот интерес вошёл в столкновение с одним из самых мощных законов научного познания, сформулированных ещё в середине позапрошлого века – «никто не обнимет необъятного».

Надо сказать, что у других исследователей языков манде до наречий тоже не всегда доходили руки. Это и понятно: даже в языках с развитой морфологией основное внимание уделяют обычно частям речи с хорошо развитым словоизменением, а всю неизменяемую лексику упоминают одним абзацем в самом конце грамматического описания. В этом отношении исключением являются работы Жерара

¹ Данное исследование выполнено в рамках проекта «Разработка модели электронного корпуса текстов языков манден (манинка, бамана)», поддержанного грантом РФФИ № 10-06-00219-а. Фразовые примеры подбирались, в частности, с использованием Электронного корпуса бамана, созданного в рамках этого проекта, http://theschool.spb.ru/bonito/run.cgi/first_form.

Дюестра, который посвятил наречиям бамана две главы своей диссертации [1987: 481-494] и главу в фундаментальной грамматике бамана [2003: 289-302]. Он предложил свою классификацию этого класса лексем, выделив:

– «наречия образа действия», *adverbes de manière* (закрытый класс, его признаки: длинные слова, в 4 и более слогов; помещаются перед глаголами; образуют с глаголами тонально компактные группы²);

– «интенсивные наречия, или наречия на *kó-*» (закрытый класс из четырёх лексем, помещаются в конце высказывания, т.е. после определяемого предиката);

– «экспрессивные, или идеофонические наречия» (открытый класс лексем; помещаются в конце высказывания; нередко включают атипичные фонемы и слоговые структуры; частая редупликация; реализация с ультравысоким тоном; невозможность употребления в отрицательных предложениях; значительные ограничения на сочетаемость с конкретными глаголами; неупотребительность в возвышенном стиле).

Как мы видим, существенным недостатком этой классификации является то, что она базируется на разных (невыключающих) параметрах, которые при этом не выстроены в иерархию. Очевидным образом, «наречия образа действия» отличаются от всех остальных по синтаксическому критерию (позиция перед глагольным предикатом), а и отнюдь не по семантическому, как заставляет думать предлагаемый Дюестром термин, в то время как две другие группы («наречия на *kó-*

² Тональная компактность состоит в том, что лексический тон всякого первого элемента группы стирается, а лексический тон первого компонента (высокий или восходящий) распространяется на всю группу. Например: *jírí* ‘дерево’ + *bilén* ‘красный’ → *jírí bilén* ‘красное дерево’ (высокий тон первого слова распространился на всю группу, восходящий тон второго слова элиминировался); *jàkú má* ‘кот, кошка’ + *músó* ‘женщина, самка’ → *jàkú má músó* ‘кошка’ (восходящий тон первого слова реализуется на всей группе, причём его первая, низкотоновая, часть приходится на первую основу, а вторая, высокотоновая, на вторую основу; лексический тон второго слова элиминируется). В дальнейшем тонально компактные группы (релевантные для изложения) будут заключаться в [квадратные скобки].

» и «экспрессивные/идеофонические наречия» – среди этих групп, надо сказать, есть и лексемы, выражающие значение образа действия) близки по синтаксическому поведению, различаясь морфологией и семантикой.

В своей грамматике манинка района Кита (идиома, в интересующем нас отношении очень близком к бамана) Дени Кресельс [Creissels 2009: 147-152] добавляет к числу пост-глагольных наречий довольно большую группу лексем, способных употребляться в постглагольной позиции в функции сирконстанта без послелога (Дюестр отказывает им в статусе наречий из-за того, что для многих из них оказываются допустимы и однозначно субстантивные употребления, см. [Dumestre 2011]). Что до предглагольных наречий («наречий образа действия»), то Кресельс считает их, по причине их тональной компактности с глаголами, включёнными в инкорпоративный глагольный комплекс. Это избавляет Кресельса от необходимости обсуждать частеречный статус предглагольных адвербиальных элементов, при этом он отмечает, что они «определяют глагол, как это могли бы делать наречия образа действия» [Creissels 2009: 71].

В небольшой статье о принципах разграничения частей речи в бамана [Выдрин 2004] я выделял, основываясь в первую очередь на синтаксическом критерии, две части речи – «препозитивные наречия» (соответствуют «наречиям образа действия» Дюестра) и «постпозитивные наречия» (все остальные группы Дюестра).

Таким образом, мы имеем три разные точки зрения на статус предглагольных адвербиальных элементов:

- это подгруппа в составе части речи «наречия» (Дюестр);
- эти элементы входят в состав инкорпоративного глагольного комплекса, не являясь, следовательно, лексемами (Кресельс);
- это отдельная часть речи (Выдрин).

Попробую изложить аргументы в пользу своей трактовки (которой я продолжаю придерживаться и сейчас), поскольку в предыдущих публикациях она выдвигалась без подробного обоснования.

Сначала я изложу основные сведения о препозитивных наречиях и их употреблении, затем рассмотрю наши разногласия с Ж. Дюестром – вопрос, который представляется мне сравнительно простым, а затем перейду к более трудной дискуссии с Д. Кресельсом.

Препозитивные наречия: состав группы, употребление.

На настоящий момент выявлено 17 препозитивных наречий (вполне возможно, этот список ещё будет пополняться). Можно сказать, что ядро группы составляют немотивированные редупликаты, почти все – с восходящим тоном:

bàlakabalaka ‘спешно’, *gálábágálábá* ‘поспешно’, *kòlòkòlò* ‘немного’, *mànamana* ‘задарма’, *nàganaga* ‘легко; задарма’, *nèmenemenin* ‘тихонько’, *ɲànamuɲanamu* ‘нечестно’, *tàabataaba* ‘поперёк; во все стороны’.

Пять наречий имеют производный характер, составляющие их основы легко этимологизируются:

dàmàtémé ‘чрезмерно’ (*dǎn* ‘граница’, *mǎ* локативный послелог, *témé* ‘переходить’); *dǒgǒdǒgǒnín* ‘тихонько’ (*dǒgǒ* ‘быть маленьким’, -*nín* диминутивный суффикс); *fòròbá* ‘коллективно’ (*fòrò* ‘поле’ -*ba* аугментативный суффикс); *sèbèkòrò* ‘серьёзно, основательно’ (*sèbè* ‘серьёзный’, *kòrò* ‘старый’);

Заметим, что только одно из наречий этой подгруппы, *dǒgǒdǒgǒnín*, – высокотоновое.

Имеется лишь два нередулицированных препозитивных наречия с непрозрачной этимологией: *bàadébé* ‘сильно’ (ударять), *mùndèenín* ‘осторожно’ (брать на руки).

Периферию этого грамматического класса составляют три лексемы (с достаточно прозрачной внутренней формой), которые не образуют тонально компактного единства с последующим глаголом, в остальном сближаясь по своему поведению с другими препозитивными наречиями:

bàkùrùmá ‘оптом, совокупно’, *díyágóyá* ‘насильно’, *dákábáná* ‘удивительно; основательно’ (последнее наречие может факультативно входить и в компактную группу с глаголом).

Препозитивные наречия употребляются как с переходными (1), так и с непереходными (2) глаголами:

(1) *Á yé mànkán` cì fàn béé fè,*
3SG PFV.TR шум-ART бить сторона все по

k’ à mùsò` [sèbèkòrò dǒgǒyá].

INF 3SG женщина-ART серьёзно унижать

‘Он стал шуметь повсюду и на все лады ругать свою жену’.

(2) *Í ká ñinìnkàlì in [sèbèkòrò díyá-rá]*

2SG POSS вопрос этот серьёзно нравиться-PFV.INTR

Предглагольные наречия в бамана

ní *yé.*

1SG для

‘Этот твой вопрос мне очень понравился’.

Они могут также употребляться и с причастиями:

(3) *Nin* *fɪpɛ̀n-tò-ké`* *jàtigì-músó`*
этот слепота-ST-мужской-ART хозяин-женщина-ART

dén-músó-nín` *tún* *[sɛ̀bɛ̀kɔ̀rɔ̀ tʃɛ̀-né́n]*
ребёнок-женский-DIM-ART PST серьёзно портить-PTCP.RES

dòn.

PRES

‘Дочка хозяйки, у которой жил этот слепец, была очень испорченной’.

Отмечены даже случаи употребления препозитивных наречий с копулами:

(4) *Ní* *[sɛ̀bɛ̀kɔ̀rɔ̀ tɛ̀]!*
1SG серьёзно COP.NEG
‘Я не всерьёз!’

Интересно, что в практической орфографии бамана, несмотря на наличие тональной компактности, препозитивные наречия принято писать отдельно от последующих глаголов. При этом Жерар Дюместр описывая эти наречия, не высказывает сомнений в их автономности. Более того, он предлагает в качестве главного теста на делимость различных элементов от глагола (т.е. на определение левой границы глагольной словоформы) именно возможность помещения препозитивного наречия между этими элементами и глагольной основой. Если не считать препозитивные наречия автономными словоформами (или, по крайней мере, клитиками), такой тест теряет смысл.

Особая часть речи или подгруппа «наречий»? Отдавая должное вкладу Жерара Дюместра в изучение наречий бамана (собственно говоря, он первый обратил внимание на само существование адвербиальных элементов, занимающих предглагольную позицию, и дал их описание), приходится отметить, что, объединяя их с пост-глагольными наречиями, он основывается в первую очередь на семантическом принципе. Если же исходить из формальных критериев, то оказывается, что параметр, объединяющий

оба адвербиальных класса (функция модификатора по отношению к глаголу), перевешивается характеристиками, которые их разделяют (разные синтаксические позиции; наличие/отсутствие тоновой компактности с глаголом). Поскольку части речи – это, в первую очередь, формальные (а не семантические) классы лексем, мне представляется предпочтительнее говорить о выделении двух разных частей речи.

Автономные словоформы или основы, входящие в состав глагольного инкорпоративного комплекса? Лишняя рассматриваемые здесь элементы статуса автономных словоформ, Д. Кресельс исходит из последовательно проводимого им принципа приоритетности признака тоновой компактности при определении границ словоформ в манинка (что полностью применимо и к бамана, в этом отношении от манинка не отличающемся). Таким образом, инкорпоративными комплексами (т.е. речевыми словоформами) у него оказываются все тонально-компактные группы элементов. Помимо интересующей нас группы «адвербиальный элемент + глагол», к числу таковых относятся также именные группы с субстантивным определением (типа *mùsò kún* ‘женская голова’, зависимый элемент ИГ – слева) и с адъективным определением (типа *mùsò júmán* ‘хорошая женщина’, зависимый элемент справа).

Надо сказать, что до Д. Кресельса вопрос о статусе компонентов тонально компактных комплексов решался по-разному. Ж. Дюестр, который также считает компактность важнейшей характеристикой именной группы, называет такие комплексы «синтагмами» (*syntagmes*, в отличие от тонально некомпактных «последовательностей», *sequences*) – из чего можно сделать вывод, что компоненты «синтагм» рассматриваются как автономные словоформы. Шарль Байоль склоняется к признанию таких комплексов сложными словами, предлагая их слитное написание³ [Bailleul 2007: 12]. Для Кресельса признак тональной компактности оказывается решающим и чуть ли не единственным критерием единства словоформы: так, традиционно

³ Необходимо оговориться, что вопрос о слитном/раздельном написании в языках манден не следует полностью идентифицировать с вопросом о единстве словоформы. Иногда слитное написание может оказаться целесообразным и для элементов, признаваемых автономными словоформами – для того, чтобы разграничить различные типы синтаксической связи.

тракуемые как глагольные префиксы морфемы *lá, tó, mà* он отказывается считать таковыми и рассматривает их как послелого (оформляющие предшествующие ИГ) – именно в силу того, что они не составляют компактных групп с глагольными основами.

Мне представляется, что такая абсолютизация признака тональной компактности не вполне оправдана. В частности, некоторые некомпактные единства (префиксальные глаголы, «конгломераты») могут рассматриваться как цельные словоформы. Аргументы в пользу аффиксальной трактовки превербов, несмотря на отсутствие их связи с глагольной основой на тональном уровне, были выдвинуты мной ранее [Vydrin 2008/2009: 262-263]: непереместимость и неотделимость превербов от глагольной основы (в том числе при интранзитивизации, что делает невозможной интерпретацию превербов как послелогов); их селективность и, нередко, идиосинкратичность по отношению к глагольной основе.

Взглянем на этот критерий и с другой стороны: все ли тонально-компактные последовательности могут считаться цельными словоформами? Иначе говоря, достаточен ли критерий тональной компактности для того, чтобы считать некую последовательность цельной словоформой? Или, если переформулировать этот вопрос в синтаксических терминах: является ли тонально-компактная последовательность терминальной категорией, или на этот статус могут претендовать её компоненты?

Рассмотрим один из типов тонально компактных единств – «кваликативную синтагму» Ж. Дюместра, т.е. тонально-компактную атрибутивную ИГ. Такое единство имеет структуру N + A, где N – субстантивная основа, A – адъективная основа, которая может состоять или только из корня (*sàgà fin* ‘чёрная овца’ < *sàgá + fin*; *sírá sùrún* ‘короткая дорога’ < *sírá + sùrún*), или из корня и суффикса *-man* (*sàgà fínmán* ‘чёрная овца’, *sírá sùrúnmán* ‘короткая дорога’).⁴ Тональная компактность выражается здесь в том, что лексический тон прилагательного (во всех приведённых примерах – восходящий: *fin*,

⁴ Различие между суффиксальными и бессуффиксными адъективными формами лежит в сфере прагматики: первые имеют дополнительное значение контрастности («именно та овца, которая чёрная»; «именно та дорога, которая короткая»). Для обсуждаемой здесь проблемы это различие несущественно.

finmán; sùrún, sùrùnmán) элиминируется, и лексический тон существительного (*sàgá* – восходящий, *sírá* – высокий) распространяется вправо, до конца всей тонально-компактной группы.

Очевидно, доказательством того, что адъективная основа в составе тонально компактного единства представляет собой терминальную категорию, может служить то, что над такой основой доминирует фразовая категория – группа прилагательного.

Проанализировав синтаксическое поведение таких основ, мы обнаруживаем, что демонстрирует некоторые свойства фразовой категории.

1. Критерий сферы действия [Тестелец 2001: 132-133]: «способность некоторого отрезка выполнять роль семантической сферы действия может быть критерием того, что этот отрезок представляет собой фразовую категорию». В интересующей нас атрибутивной группе бамана адъективный компонент может быть сферой действия, в частности, фокализирующей частицы *dè*:

(5) *[jàmà kénémán']* *dè* *bé fàsó'* *bárikámáyá!*
народ здоровый-ART FOC IPFV родина-ART укреплять
'(Именно) здоровый народ делает родину сильной'.

(6) *Í kàná bòrè gbílín'* *tà, í ká*
2SG PRON мешок тяжёлый-ART брат 2SG OPT

[bòrè fégén'] *dè tà.*
мешок лёгкий-ART FOC брат
'Ты не бери тяжёлый мешок, ты лёгкий мешок возьми'.

2. Субстантивный компонент в атрибутивной именной группе может подвергаться сочинительному сокращению:

(7) *Û bé [kàlà mísén-w]* *tà kà*
3SG IPFV стебель маленький-PL брат INF

Ø *bèlèbélé-w fili.*
(стебель) большой-PL бросать
'Они берут маленькие стебли и выбрасывают большие'.

(8) *Ñ yé [sò bílénmán'] sàñ, kà à*
1SG PFV.TR лошадь красный-ART купить INF 3SG

bilà só' *kónó. Yànní kà dùgú'* *jé,*
клясть дом-ART в прежде.чем INF земля-ART белеть

à ké-rá jémán yé.
3SG статья-PFV.INTR белый как

‘Я купил красную лошадь и поставил её дома. Ещё до рассвета она стала белой’ [Meyer 1978].

Отметим и ещё один важный критерий, интерпретация которого, впрочем, затрудняется нетривиальной особенностью некоторых языков манде (и, в частности, бамана): вопреки общепринятому в синтаксической теории мнению, «... на проформу ... могут быть заменены только фразовые категории. ... терминальные составляющие ... не заменяются на проформы» [Тестелец 2001: 142], местоимение 3 лица в анафорической функции здесь может иметь в качестве antecedента не только целую ИГ, но и её вершину-существительное (терминальную категорию) в составе ИГ; такое местоимение может определяться прилагательным. Речь идёт о следующем контексте:

(9) *Ń yé [sàgà jémán'] sàn kà à*
1SG PFV.TR овца белый-ART покупать INF 3SG

finmán' tó yèn.
чёрный-ART оставлять там

‘Я купил белую овцу, а чёрную не стал’ (букв.: «а её чёрную оставил там»).

При всей типологической необычности демонстрируемой в этих примерах модели прономинализации, представляется, что возможность употребления адъективного элемента при проформе свидетельствует о том, что он представляет собой словоформу, а не часть словоформы.

Все перечисленные доводы, на мой взгляд, свидетельствует о том, что адъективный элемент в составе тонально компактной группы структуры N + A является скорее автономной словоформой, а саму эту группу следует считать не сложным словом, а комбинацией двух слов.

Таким образом, синтаксическое поведение составляющих тонально-компактной атрибутивной ИГ показывает, что критерий тональной компактности сам по себе не является ни необходимым, ни достаточным для признания некоей последовательности единой словоформой. При этом, конечно, существование такого просодического единства свидетельствует о сильной синтаксической

связи между элементами, которая может способствовать образованию сложных слов.

Отказ от тональной компактности как от основного и достаточного критерия единства словоформы делает возможным признание предглагольных прономинальных элементов автономными словоформами, «препозитивными наречиями».

* * *

Признание существования в бамана (и в близкородственных языках) особой части речи «препозитивные наречия», главным отличительным признаком которых является их позиция перед глагольным сказуемым, имеет весьма интересные последствия.

В частности, некоторого переосмысления требуют сложившиеся представления о базовом порядке слов в бамана. Обычно схему простого глагольного предложения представляют в виде формулы (которая может варьировать в зависимости от используемых условных сокращений, не меняясь по сути):

S – AUX – DO – V – X, где S – подлежащее, AUX – предикативный показатель, DO – прямое дополнение (отсутствующее при непереходных глаголах), V – глагольный предикат, X – не прямое дополнение или сирконстант.

Теперь же получается, что между глагольным предикатом и прямым дополнением имеется ещё один сирконстантный слот (обозначим его X'), заполняемый наречием образа действия, тесно синтаксически связанным с глаголом:

S – AUX – DO – [X' – V] – X

Постулирование этой синтаксической позиции позволяет поновому взглянуть на ещё одно явление, представленное в языках манден и сравнительно хорошо описанное в специальной литературе, при этом, на мой взгляд, до сих пор не получившее адекватной интерпретации. Я имею в виду «сложные глаголы со значением сравнения» (*verbes composés de comparaison*) [Dumestre 1987: 317-320], или «метафорические глаголы» [Dumestre 2003: 197-199].⁵ Рассмотрим

⁵ Кресельс затрагивает этот феномен очень бегло [Creissels 2009: 70], придерживаясь при этом трактовки, близкой к таковой у Дюестра.

Предглагольные наречия в бамана

эти «метафорические глаголы», особенности их употребления и семантики.

Речь идёт о том, что в бамана глагольный предикат может иметь в препозиции существительное, которое образует с ним тонально компактную группу и выражает значение сравнения:

(10) *Dón ó' dón, à b' à mùsó'*
день DISTR день 3SG IPFV 3SG женщина-ART

[fàli-bùgə].

осёл-бить

‘Каждый день он бьёт свою жену, как осла’.

Как отмечает Дюместр, это существительное не может рассматриваться как прямое дополнение – в пользу этого можно привести много аргументов самого разного рода:

– прямое дополнение (в отличие от анализируемого именного компонента) никогда не составляет с глаголом тонально компактную группу;

– в таких предложениях позиция прямого дополнения часто уже занята другой ИГ, в состав которой интересующее нас существительное очевидным образом не входит;

– семантическое отношение между этим существительным и глаголом (значение сравнения) совсем иное, чем между прямым дополнением и глаголом.

В то же время эта модель чётко отграничивается от модели глагольного словосложения типа *dá-miné* ‘начинать’ («край-хватать»), *bóló-kǒ* ‘подвергать инициации’ («рука-мыть»), компоненты которой не демонстрируют тональной компактности.

Существительное в «конструкции сравнения» может иметь при себе адъективное определение, что никак не нарушает тональной компактности всего комплекса:

(11) *Û táa-rá Bànànkòrònín*
3PL идти-PFV.INTR Бананкорони

[fílén-kólón-cí].

калебаса-негодный-разбивать

‘Они пошли и разрушили Бананкорони, как старую калёбасу’.

В норме глаголы в подобных конструкциях переходны, однако они могут подвергаться пассивизации в рамках пассивной лабильности:

- (12) *ó dón` dè, Mùsà-fángá`*
тот день FOC Муса-власть-ART

dàgà-kòlòn-ci-rá Málidén-w fè.
горшок-негодный-разбивать-PFV.INTR Мали-ребёнок с
‘В тот день власть Мусы (Граоре. – В.В.) была сокрушена
малийцами как старый горшок’.

Чаще всего сравнение, выражаемое предглагольной ИГ, пациенс-ориентированное («поступать так, как обычно поступают с X», см. все приведённые выше примеры), значительно реже оно оказывается агенс-ориентированным («поступать так, как это обычно делает X»):

- (13) *Á yé té` sùráká-wílf.*
3SG PFV.TR чай-ART мавр-кипятить
‘Он заварил чай по-маврски’.

Совершенно очевидно и формальное, и семантическое сходство между рассматриваемыми именными элементами в составе «метафорических глаголов» и препозитивными наречиями:

- позиция непосредственно перед глагольным предикатом;
- тональная компактность с глагольным предикатом;
- значение образа действия (предлагая эталон для сравнения, по сути дела, описывается способ совершения действия).

Напрашивается вывод, что в обоих случаях речь идёт об одной и той же синтаксической позиции и синтаксической функции. Различие касается, по сути дела, только происхождения заполняющих эту позицию элементов: в одном случае перед нами полузакрытый список лексем, специализированных в данной функции; во втором – список принципиально открытый: любое существительное (или даже атрибутивная ИГ) потенциально может быть помещено в предглагольный адвербиальный слот – ограничения тут лишь

семантического характера. По сути дела, перед нами – механизм продуктивной адвербиализации существительных.⁶

Если признать идентичность синтаксических функций предглагольных наречий и именных элементов, то на эти последние распространяются все приводимые в первой части данной статьи аргументы в пользу возможности трактовки компонентов тонально компактных комплексов как самостоятельных словоформ. Интересно, что наиболее распространена трактовка, в соответствии с которой препозитивные наречия рассматриваются как отдельные словоформы, а предглагольные имена в адвербиальной функции – как части глагольных словоформ. См. орфографические решения, встретившиеся в рамках одного предложения в газетном тексте (Jekabaara, № 295; для наглядности пример дан в три строки: первая точно воспроизводит написание источника, во второй указаны тоны и дана разбивка на морфемы):

(14) *tile kelen ga kɔnɔ sisi bɔbaliya*
tilè kèlèn gâ kɔ̀nɔ̀ sìsì bɔ́-bálf-yá`
 день один кухня в дым выходить-PTCP.PRIV-ABSTR

bɛ dɔ ka ga sɛ̀bɛ̀kɔ̀rɔ̀ lagosi
bé dó ká gǎ` sè̀bè̀kò̀rɔ̀ lágósí,
 IPFV некто POSS кухня-ART серьезно портить

n' a m' a dagakolonci yere!
n' à m' à dàgà-kòlòn-cí yèrè!
 если 3SG PFV.NEG 3SG горшок-негодный-разбивать именно

‘Если у кого-то дым не выходит из кухни целый день, это наносит серьёзный ущерб его кухне, а может даже и разрушить её, как негодный горшок!’

⁶ Вряд ли здесь стоит всё же говорить о конверсии «существительное → препозитивное наречие»: такое употребление существительных является регулярным и предсказуемым, конверсией же предпочтительно считать морфологически немаркированное образование лексем с новыми синтаксическими функциями, сопровождающееся более или менее выраженной лексикализацией. В нашем случае достаточно постулировать, что для существительных оказывается доступной ещё одна синтаксическая функция.

Впрочем, слитное с глаголом написание ИГ в адвербиальной функции имеет под собой рациональную основу: поскольку в практической орфографии тоны не обозначаются, отдельное от глагола написание такой ИГ было бы воспринято как сигнал отсутствия тональной компактности, и эта группа могла бы быть воспринята как часть ИГ прямого дополнения. В то же время для препозитивных наречий, как правило, не имеющих омонимов или тональных квазиомонимов среди существительных и прилагательных, опасность неправильной интерпретации отсутствует и при отдельном написании.

Появление адвербиалов в различных позициях в промежутке между подлежащим и глагольным сказуемым оказывается возможным и в других языках семьи манде. Так, в кпелле наречия времени могут занимать позицию после AUX, а в ману – также и позицию между прямым дополнением и глагольным предикатом [Хачатурьян рук.], но при этом те же наречия выступают и в пост-глагольной позиции. В гбан позицию непосредственно перед глагольным предикатом может занимать «предглагольная частица» *ɪɔ* ‘уже; быстро; рано’, для которой это единственная допустимая позиция – при этом ни один другой наречный элемент в этой позиции недопустим [Федотов 2012: 25]. В дан существует модель даже не предглагольной, а внутриглагольной адвербиализации, которой подвергаются самые разные приименные элементы, демонстрируя очень гибкую транскатегориальную стратегию [Выдрин 2009; Макеева 2012].

На проверку оказывается, что стратегии предглагольной адвербиализации в каждом из этих языков очень существенно разнятся. Очевидным образом, они не восходят к какой-то праязыковой модели, а возникли в результате независимого, параллельного развития.

Список сокращений

- 1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо
- ABSTR – суффикс имени статуса или состояния
- ART – тональный артикль (плавающий низкий тон)
- AUX – предикативный показатель
- COP.NEG – отрицательная копула
- DISTR – связка дистрибутивной именной группы
- DO – прямое дополнение

Предглагольные наречия в бамана

- FOC – частица фокализации
INF – показатель инфинитива
IPFV – предикативный показатель имперфектива
NEG – отрицательный показатель
OPT – предикативный показатель опатива
PFV.INTR – суффикс перфектива непереходного глагола
PFV.TR – предикативный показатель перфектива переходного глагола
PL – множественное число
PRES – презентативная копула
PROH – предикативный показатель прохибитива
PTCP.PRIV – привативное причастие
PTCP.RES – суффикс результативного причастия
POSS – поссессивная связка
PST – оператор ретроспективного сдвига
S – подлежащее
SG – единственное число
V – глагольное сказуемое
X – постглагольные синтаксические группы (непрямое дополнение, сирконстант)
X' – предглагольная адвербиальная группа

Литература

- Выдрин В. Ф. И опять – части речи в бамана // А.П.Володин (ред.). Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В.С.Храковского. М.: Знак, 2004, с. 145-173.
- Выдрин В. Ф. Превербы в языке дан-гуэта // Вопросы языкознания, 2009, № 2. С. 75-84.
- Макеева Н. В. Грамматика языка кла-дан в контексте языковой семьи манде. Дисс. к.ф.н. М., 2012.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Федотов М. Л. Выражение временнóй и аспектуальной семантики в грамматической системе языка гбан. Бакалаврская диссертация. Филологический факультет СпбГУ, 2012.
- Хачатурьян М. Л. Язык мано. Рукопись.
- Bailleul, Charles. Dictionnaire bambara-français. 3e édition corrigée. Bamako : Donniya, 2007.
- Creissels, Denis. Le malinké de Kita. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2009.
- Dumestre, Gérard. Le bambara du Mali : Essai de description linguistique. Paris : INALCO. Thèse de Doctorat d'Etat. 1987.

- Dumestre, Gérard. Grammaire fondamentale du bambara. Paris : Karthala, 2003.
- Dumestre, Gérard. A propos des adverbes du bambara, ou de l'art d'accommoder les restes // *Mandenkan* 48, 2011, pp. 3-12.
- Meyer, Gérard. Devinettes bambara. P.: Harmattan, 1978.
- Vydrin, V. Reinterpreting Manding grammar: Kita Maninka, viewed by Denis Creissels. Besprechungsartikel von *Denis Creissels (2009): Le malinké de Kita. Un parler mandingue de l'ouest du Mali* // *Afrika und Übersee*, Band 90, 1/2, 2008/09: 259-282.